

А. А. Блок

Стихотворения

3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б70

Б70 **Блок А.А.**
Стихотворения: 3 / А. А. Блок – М.: Книга по Требованию, 2021. – 268 с.

ISBN 978-5-518-02339-0

ISBN 978-5-518-02339-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КЪ МУЗЪ.

Есть въ напѣвахъ твоихъ сокровенныхъ
Роковая о гибели вѣсть.
Есть проклятье завѣтовъ священныхъ,
Поруганіе счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готовъ я твердить за молвой,
Будто ангеловъ ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смѣешься надъ вѣрой,
Надъ тобой загорается вдругъ
Тотъ неяркій, пурпурово—сѣрый
И когда-то мной видѣнный кругъ.

Я хотѣлъ, чтобъ мы были врагами,
Такъ за что жъ подарила мнѣ ты
Лугъ съ цвѣтами и твердь со звѣздами —
Все проклятье своей красоты?

И коварнѣе сѣверной ночи,
И хмельнѣй золотого Аи,
И любви цыганской короче —
Были страшныя ласки твои.

И была роковая отрада
Въ попираньи завѣтныхъ святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, какъ полынь...

Изъ хрустальваго тумана,
Изъ невиданнаго сна
Чей-то образъ, чей-то странный...
(Въ кабинетѣ ресторана
За бутылкою вина).

Визгъ цыганскаго напѣва
Налетѣлъ изъ дальнихъ залъ,
Дальнихъ скрипокъ вопль туманный...
Входитъ вѣтеръ, входитъ дѣва
Въ глубь исчерченныхъ зеркалъ.

Взоръ во взоръ—и жгуче-синій
Обозначился просторъ.
Магдалина! Магдалина!
Вѣетъ вѣтеръ изъ пустыни,
Раздувающій костеръ.

Узкій твой бокалъ и вьюга
За глухимъ стекломъ окна—
Жизни только половина!
Но за вьюгой—солнцемъ юга
Опаленная страна!

Разрѣшенье всѣхъ мученій,
Всѣхъ хуленій и похвалъ,
Всѣхъ змѣющихся улыбокъ,
Всѣхъ просительныхъ движеній,
Жизнь разбей, какъ мой бокалъ!

Чтобъ на ложѣ долгой ночи
Не хватило страстныхъ силъ!
Чтобъ въ пустынномъ воплѣ скрипокъ
Перепуганныя очи
Смертный сумракъ погасилъ.

ПѢСНЬ АДА.

День догорѣлъ на сферѣ той земли,
Гдѣ я искалъ путей и дней короче.
Тамъ сумерки лиловыя легли.

Меня тамъ нѣтъ. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступомъ скользкихъ скалъ.
Знакомый Адъ глядитъ въ пустыя очи.

Я на землѣ былъ брошенъ въ яркій балъ,
И въ дикомъ танцѣ масокъ и обличій
Забылъ любовь и дружбу потерялъ.

Гдѣ спутникъ мой?—О, гдѣ ты, Беатриче?—
Иду одинъ, утративъ правый путь,
Въ кругахъ подземныхъ, какъ велитъ обычай,

Средь ужасовъ и мраковъ потонуть.
Потокъ несетъ друзей и женщинъ трупы,
Кой-гдѣ мелькнетъ молящій взоръ, иль грудь,

Пощады вопль, иль возгласъ нѣжный—скупю
Сорвется съ устъ; здѣсь умерли слова;
Здѣсь стянута безмысленно и тупо

Кольцомъ желѣзной боли голова;
И я, который пѣлъ когда-то нѣжно,—
Отверженецъ, утратившій права!

Всѣ къ пропасти стремятся безнадежной,
И я вослѣдъ. Но вотъ, въ прорывѣ скалъ,
Надъ пѣною потока бѣлоснѣжной,

Передо мною безконечный залъ.
Сѣтъ кактусовъ и розъ благоуханье,
Обрывки мрака въ глубинѣ зеркалъ;

Далекихъ утръ неясное мерцанье
Чуть золотитъ поверженный кумиръ;
И душное спирается дыханье.

Мнѣ этотъ залъ напомнилъ страшный мѣръ,
Гдѣ я бродилъ слѣпой, какъ въ дикой сказкѣ,
И гдѣ застигъ меня послѣдній пиръ.

Тамъ брошены зіяющія маски;
Тамъ старцемъ соблазненная жена,
И наглый свѣтъ засталъ ихъ въ мерзкой ласкѣ.

Но заалѣлся переплетъ окна
Подъ утреннимъ холоднымъ поцѣлуемъ,
И странно розовѣтъ тишина.

Въ сей часъ въ странѣ блаженной мы ночуемъ,
Лишь здѣсь безсиленъ нашъ земной обманъ,
И я смотрю, предчувствіемъ волнуемъ,

Въ глубь зеркала сквозь утренній туманъ.
Навстрѣчу мнѣ, изъ паутины мрака,
Выходитъ юноша. Затянуть станъ;

Увядшей розы цвѣтъ въ петлицѣ фрака
Блѣднѣе устъ на ликѣ мертвеца;
На пальцѣ—знакъ таинственного брака—

Сіяетъ острый аметистъ кольца;
И я смотрю съ волненіемъ непонятнымъ
Въ черты его отдвѣтшаго лица

И вопрошаю голосомъ чуть внятнымъ:
— Скажи, за что томиться долженъ ты
И по кругамъ скитаться невозвратнымъ?—

Пришли въ смятеніе тонкія черты,
Сожженный ротъ глотаетъ воздухъ жадно,
И голосъ говоритъ изъ пустоты:

— Узнай: я преданъ мукѣ беспощадной
За то, что былъ на горестной землѣ
Подъ тяжкимъ игомъ страсти безотрадной.

Едва нашъ городъ скроется во мглѣ,—
Томимъ волной безумнаго напѣва,
Съ печатью преступленья на челѣ,

Какъ падшая, униженная дѣва,
Ищу забвенья въ радостяхъ вина...
И пробилъ часъ карающаго гнѣва:

Изъ глубины невиданнаго сна
Всплеснулась, ослѣпила, засіяла
Передо мной—чудесная жена!

Въ вечернемъ звонѣ хрупкаго бокала
Въ туманѣ хмельномъ встрѣтившись на мигъ
Съ единственной, кто ласки презирала,

Я ликованье первое постигъ!
Я утопилъ въ ея зѣницахъ взоры!
Я испустилъ впервые страстный крикъ!

Такъ этотъ мигъ насталъ, неожиданно скорый.
И мракъ былъ глухъ. И долгій вечеръ мгlistъ.
И странно встали въ небѣ метеоры.

И былъ въ крови вотъ этотъ аметистъ.
И пилъ я кровь изъ плечъ благоуханныхъ.
И былъ напитокъ душень и смолисть...

Но не кляни повѣствованій странныхъ.
О томъ, какъ длился непонятный сонъ...
Изъ безднъ ночныхъ и пропастей туманныхъ

Къ намъ доносился погребальный звонъ;
Языкъ огня взлетѣлъ, свистя, надъ нами,
Чтобъ сжечь ненужность прерванныхъ временъ!

И—сомкнутыхъ безмѣрными цѣпями—
Насъ нѣкій вихрь увлекъ въ подземный міръ!
Окованной навѣкъ глухими снами

Дано ей чують боль и помнить пиръ,
Когда, что ночь, къ плечамъ ея атласнымъ
Тоскующій склоняется вампиръ!

Но мой удѣлъ—могу ль не звать ужаснымъ?
Едва холодный и больной разсвѣтъ
Исполнить Адъ сіянемъ безучастнымъ,

Изъ зала въ залъ иду свершать завѣтъ,
Гонимъ тоскою страсти безначальной,—
Такъ сострадай и помни, мой поэтъ:

Я обреченъ въ далекомъ мракѣ спальной,
Гдѣ спитъ она и дышитъ горячо,
Склонясь надъ ней влюбленно и печально,

Вонзить свой перстень въ бѣлое плечо!

ДЕМОНЪ.

Прижмись ко мнѣ крѣпче и ближе,
Не жилъ я—блуждалъ средь чужихъ...
О, сонъ мой! Я новое вижу
Въ бреду поцѣлуевъ твоихъ!

Въ томленьи твоємъ изступленномъ
Тоска небывалой весны
Горитъ мнѣ лучомъ отдаленнымъ
И тянется пѣсней зурны.

На дымно-лиловыя горы
Принесъ я на лучъ и на звукъ
Усталые губы и взоры
И плети изломанныхъ рукъ.

И въ горномъ закатномъ пожарѣ,
Въ разливахъ синѣющихъ крыль,
Съ тобою, съ мечтой о Тамарѣ,
Я, горній, навѣки безъ силъ...